

Л. В. Крошкина

«Новая душа» матери Марии в ее житии и творчестве

Статья является результатом исследования понятия «новый», «новизна» в богословском, агиографическом, публицистическом, поэтическом и художественном наследии матери Марии (Скобцовой), а также в ее жизни и церковном служении. Главный вопрос статьи — что нового своей жизнью и творчеством сказала прпмц. Мария, каков ее новый ответ на вызовы своего времени. В статье анализируются наиболее значимые письменные труды матери Марии в контексте преемственности русской религиозной мысли. Идея *осуществления* соборности и проекции на все сферы жизни и деятельности христиан является ключом к пониманию новизны в жизни и творчестве матери Марии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новизна, Церковь, «Православное Дело», соборность, осуществление, общая жизнь.

Новое сочетается со старым,
как в каждом живом деле
и «живом предании»,
и оба вырастают из вечного.
*Мать Мария*¹

Тема «нового» в житии и трудах матери Марии не раз отмечалась как свидетелями ее жизни, так и исследователями ее творчества. Н. А. Бердяев назвал мать Марию «новой душой» [Бердяев, 22], отмечая ее стремление к «новым формам деятельности» и уникальную способность соединять несоединимое: «она была поэт, революционер и религиозный деятель» [Бердяев, 22].

Н. А. Струве в одном из своих последних выступлений на выставке икон и вышивок матери Марии в Париже (март 2016 г.) говорил о «неодолимом чувстве удивления» [Современные свидетельства, 290], которое вызывает мать Мария. По его мнению, ее призвание состояло в самоотдаче, жертвенности, мученичестве, а также в том, чтобы «быть матерью», «поэтом абсолютной

1. См.: [Мать Мария 1992, 247]

открытости». Он говорил о поражающей разнообразии ее даров, через которые она «доносит весть» [*Современные свидетельства*, 292] — свидетельствует о новом.

Биографы (о. Сергей Гаккель, Д. Десанти, А. Н. Шустов и др.), богословы (О. Клеман, Э. Бер-Сижель, Н. М. Каухчишвили, свящ. Георгий Кочетков и др.), исследователи литературного и художественного творчества матери Марии (Т. В. Викторова, А. И. Шмайна-Великанова, Н. В. Ликвинцева, М. В. Юрьева, Ю. В. Балакшина, А. М. Копировский и многие другие) отмечали и изучали принципиальную новизну как «самую характерную черту и облика, и мысли матери Марии» [*Шмайна-Великанова*, 31].

В своей итоговой эсхатологической поэме «Духов день», дантовскими терцинами повествующей о судьбах мира, мать Мария так определяет свое место в истории: «Мы все стоим у нового порога» [*Кузьмина-Караваева*, 269]. Мать Мария остро чувствовала время, часто говорила о «начале некой новой церковной эпохи» [*Мать Мария 2004*, 256] и призывала строить «новую жизнь» [*Мать Мария 2004*, 263].

В каждом ее деле мы видим мотив *нового*, слышим ее голос о *новом*. Диалог о новом и старом во всех его аспектах звучит в ее публицистике, богословии, поэзии, житиях и художественном творчестве. Во всех сферах деятельности матери Марии мы видим новый и одновременно целостный взгляд на христианство, Церковь, человека и человекообщение, социальную работу, монашество, аскезу, творчество, мученичество.

В объединении «Православное Дело», главном детище матери Марии, созданном под ее председательством в 1935 г., отобразились ее главные новые идеи. В ряде статей с названием «Православное Дело» мать Мария формулирует то новое, что она считает существенным в трудах созданного ею сообщества. Это не новые формы благотворительности, но новое качество общей жизни, основанное на новом взгляде на Церковь и на человека. Суть «Православного Дела» — в побуждении церковного общества к совместному *деланию*, которое заключается в строительстве этой «новой жизни» [*Мать Мария 2004*, 363].

Новая жизнь в понимании матери Марии — это жизнь на *соборных* основаниях. Она выступала страстным апологетом этого нового для Европы термина и посвятила его автору А. С. Хомякову одну из своих работ [*Мать Мария 2004*, 261–288]. Интерес к соборности в эмиграции (прежде всего во Франции) получил широкое распространение. В своих трудах

о соборности писали такие философы и богословы, как о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, В. В. Зеньковский и многие другие, особенно активно обсуждали это понятие в Русском студенческом христианском движении (РСХД). Мать Мария, активный участник РСХД, с некоторого времени осознает, что в Движении не хватает дела, в котором соборность была бы воплощена. Она приглашает всех жаждущих воплощения соборности: «давайте... не только в области теоретических построений, но и в области ежедневного... быта попробуем осуществить подлинную христианскую соборность, общую жизнь» [*Мать Мария 2004, 363*]. Характерно, что создание объединения было не началом, но итогом деятельности матери Марии по «осуществлению» соборности: к 1935 г. уже были открыты мужское и женское общежития, дешевая столовая, обслуживались русские больные во французских госпиталях и на дому, были открыты храмы, детская школа, проводились собрания и конференции. Все это мать Мария называет «радостным и братским делом» [*Мать Мария 2004, 363*].

Спустя три года в сборнике «Православное Дело», вышедшем в трагическом 1939 г., «когда решались судьбы мира» [*Мать Мария 1992, 247*], мать Мария впервые публично выступает с теоретическим обоснованием нового сообщества. Его призвание заключается не столько в практической социальной работе, сколько — в преодолении логики индивидуалистической религии («откреститься от мира, предоставить его бесам, спасти свою душу» [*Мать Мария 1992, 247*]), потому что только Церковь, призванная быть «водительницей человеческого рода», одна может ответить на все «проклятые» вопросы современности, и даже остановить войну, «благословить на создание Нового града» [*Мать Мария 1992, 247*]. Мать Мария называет членов Объединения «Православное Дело» «работниками церковного обновления» на ниве социальной мысли и социального действия [*Мать Мария 1992, 247*].

Через несколько лет, незадолго до ареста, в неопубликованной при жизни автора статье «Объединение Православное Дело II» мать Мария говорит:

Я воспринимаю нашу идеологию, хотя она и может быть точно основана на Евангелии и на многих высказываниях св. отцов, все же как некий взрыв, как нечто противоположное тому, чем жило и живет широкое церковное общество. <...> Конечно, мы хотим чего-то нового... <...>

...Сама попытка дать православию дело — нова в самом корне [*Мать Мария 1992, 258*].

Эта новая взрывная сила заключается в соборно-личном методе, т. е. в отношениях, основанных на взаимопроникновенной связи всех со всеми и одновременно различении «каждого лица во всей его полноте» [*Мать Мария 1992, 258*]. Эти отношения должно стремиться проецировать «на все виды социальной жизни» [*Мать Мария 1992, 258*]. «Нам нужно выращивать соборный организм, а не устраивать механическую организацию» [*Мать Мария 1992, 259*]. Мать Марию не пугает, что все это только «идеал, действительно не осуществимый в реальной жизни», для нее важно, чтобы «именно он стоял перед нами»:

Каждое наше дело должно быть малой церковью, и все лица, работающие в нем и обслуженные им, должны быть членами органически связанными между собою и с целым [*Мать Мария 1992, 259*].

Итак, мать Мария предлагает созидание соборно-личного организма как полное новаторство и борьбу за подлинный дух православия, который, по ее мнению, есть «единственный вывод и из Евангелия», «все остальное — уступка миру сему» [*Мать Мария 1992, 263*].

Этот новый образ церкви и церковного дела требует максимального напряжения, подлинного духовного подвига от братской группы (так она называет узкий круг единомышленников «Православного Дела»), потому что мыслится как «лаборатория для России» [*Мать Мария 1992, 262*].

Мать Мария пытается представить и изобразить будущее осуществление этого замысла:

Через сто лет будет существовать некий орден или братство, во всяком случае, некий подлинно живой организм, некая подлинная соборность, церковное тело, Тело Христово. Глава этого Тела будет Христос, в этом смысле оно будет настоящей малой церковью, составляющей органическую часть единой вселенской православной церкви. Этот организм будет заключать в своих недрах живое, любящее, сострадающее и сорадающееся сердце — внутреннюю группу идеологически, духовно и братски объединенных людей. Они будут своей соборной напряженной жизнью, своей любовью, своим идеологическим единомыслием и жадной практической активности питать и объединять весь организм, с которым будут находиться

в самой нерасторжимой и подлинной связи. Этот организм будет не какая-либо общественно-благотворительная организация, а осуществленная соборность, проецированная на все виды человеческой деятельности идея соборно-личного начала. Виды же практической деятельности могут быть неисчерпаемо разнообразны. Если это будут школы, то все ученики этих школ будут не только воспитываемые и обучаемые кадры молодежи, но такие же неотъемлемые члены общего организма, как и их учителя, как и создатели всего дела. То же можно сказать об общежитиях, каких-либо столовых, каких-либо группах, занятых любым видом работы. Это будет подлинное осуществление общего дела, потому что на известной глубине «Православное Дело» только и может быть Общим Делом, т. е. некоторой литургией, проецируемой из церкви в мир. Каждый человек, так или иначе прикасающийся к этому живому организму, должен быть им переработан, как живая частица вещества, должен, сохраняя всю свою неповторимую личность, с радостью и любовью стать живой частью этого живого многоединства [*Мать Мария 1992, 262–263*].

Итак, идею проецируемой в мир соборности можно считать главным ответом, вестью и призывом матери Марии. За обозначенной перспективой лежит каждодневный поиск и опыт, опирающийся на конкретные отношения в конкретных условиях.

Новой мы можем назвать тему жизни матери Марии — мистику человекообщения, конкретизацию идеи соборности. Это такое общение с человеком и с миром, которое является «глубинным богослужением», «проникнутым подлинным трепетом богообщения» [*Мать Мария 2004, 118–120*]. Мы знаем много свидетельств о том, как это воплощалось в жизни матери Марии. Одно из последних — воспоминание живого свидетеля М. А. Струве о чувстве «потрясающего контакта, подлинного общения», для которого «не было никакой преграды» [*Современные свидетельства, 291*].

Богословие человекообщения для матери Марии — логическое продолжение главной темы русской культуры — второй евангельской заповеди (заповеди о любви к человеку), которой, по ее мнению, с XIX в. «пленилась и увлекалась русская религиозная мысль» [*Мать Мария 2004, 378*].

Мать Мария рассматривает всю европейскую историю как духовную борьбу двух заповедей — о любви к Богу и человеку, и в этой истории, по ее мнению, наступает новая эпоха, в которой она видит возможность их соединения. Но это только возможность: «Мы все стоим у нового порога / его переступить

не всем дано...» [Кузьмина-Караваева, 269]. Особое место в истории XIX в., с точки зрения матери Марии, занимают те создатели русской культуры, которым удалось «осознать над собой купол Церкви» [Мать Мария 2004, 219]. Важнейшей вехой русской культуры она считает творчество Ф.М. Достоевского, отмечает его безграничную любовь к человеку, называет его одним из величайших знатоков человеческой души. «Всего мучительнее и напряженнее он любит человека именно там, где с особой силой ненавидит искушения, обступившие и побеждающие его» [Мать Мария 2004, 312], — пишет она в своей монографии «Достоевский и современность». В этой мучительности и напряженности глубина созерцания в человеке искаженного Божественного образа. Итак, по мнению матери Марии, русская мысль «на все лады и всеми своими голосами повторяет, что она поняла, что значит отдать душу свою за ближних своих, что она хочет идти путем любви, путем подлинного... человекообщения, которое тем самым есть и подлинное Богообщение» [Мать Мария 2004, 378].

Задачу свою и своих ближайших сподвижников мать Мария видит в том, чтобы все теоретические предпосылки русских мыслителей сделать практическими вехами, как для личных путей, так и для всякого внешнего делания. Вехи эти таковы: не просто «осознать над собой купол Церкви» [Мать Мария 2004, 219], но самому стать одним из Ее живых камней:

Возьми меня, я только твой кирпич,
Строй из меня, непостижимый Зодчий [Монахиня Мария, 7].

К решению этой задачи мать Мария приступает со свойственной ей энергией. Она прорабатывает христианскую аскетическую традицию и почти не находит в ней путей воплощения любви к человеку. Мать Мария говорит о новой аскетике — аскетике человекообщения, она прописывает ее этапы, призванные помочь всем, кто жаждет воплощения двуединой евангельской заповеди, кто хочет научиться любить. Она определяет аскетические требования по отношению к физическому, душевному и духовному миру ближнего. *К физическому*: «Любовь к человеку требует от нас аскетического служения его материальным нуждам»; *к душевному миру*: «Надо уметь в буквальном смысле “ставить себя на место” другого человека... быть для каждого каждым. Даже чужие страсти надо судить не извне... не вообще определять,

что должно, а что не должно для данного человека, а... искать освобождения его от его страстей и эмоций не в максимальном отсечении, а в сознательном и глубоком их преодолении, переключении, преображении» [*Мать Мария 2004, 374–376*]. Аскетика по отношению к духовному миру заключается в том, что человек встречается «с подлинным образом Божиим в человеке», и он «должен безусловно и безоговорочно принять это страшное Богооткровение, преклониться перед образом Божиим в своем брате». Тогда ему «откроется и еще другая тайна... Он увидит, как этот образ Божий затуманен... и он захочет во имя образа Божьего... начать борьбу с диаволом... Он это сможет, если все его упование будет на Бога, а не на себя» [*Мать Мария 2004, 376*].

Мать Мария всей своей жизнью и творчеством говорит о новой мистике — мистике человекообщения, духовные основания которой она находит в образе Богоматери. Чтобы прийти к подлинному общению с ближними, надо усыновить их через сочувствие, со-переживание, со-страдание, со-бытие и, в итоге, через со-распятие. Все это иначе она называет чувством «всеобъемлющего материнства» (ср. с «всемирной отзывчивостью» Достоевского).

Мать Мария создает художественные образы, в которых отчетливо отражаются ее новые богословские находки, тесно связанные с открытиями предшествующих мыслителей. В 1920-е гг. она, как многие писатели русского зарубежья, обращается к житийному жанру. Одно из первых произведений — неопубликованный рассказ «Иоанникий». Это художественная зарисовка, в центре которой образ инока, проходящего различного рода соблазны, главным из которых становится любовь к Богу, утратившая единство с любовью к миру и человеку. Иоанникий преодолевает соблазн, переживает новое откровение о любви и в новом качестве идет служить миру. Это откровение любви мать Мария выражает через экстатическое состояние инока, пронзенного новой любовью к земле.

Лечь бы на землю, огромным, будто выросшим телом своим покрыть всю земную грудь, горячими губами припасть к губам земли, глазами впиться в ее пустой, призывный и тоскующий взгляд и знать, что нет ничего, нигде нету, кроме распростертой горькой земли и его — Иоанникия [*Данилов*].

Параллель с эпизодом целования земли в «Братьях Карамазовых» очевидна.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить вовеки веков [*Достоевский, 326*].

Любовный экстаз по отношению к земле в обоих произведениях завершается выходом на служение миру. Желание послужить миру основано на жертвенной милосердной евангельской любви, откровение о которой в «Братьях Карамазовых» предваряется образом нового вина в сновидении Алеши. Новое вино становится излюбленным образом поэзии матери Марии:

Мы все стоим у нового порога,
Его переступить не всем дано, —
Испуганных, отпавших будет много.
В цепи порвется лишь одно звено,
И цепь испорчена. Тут оборвалась
Былая жизнь. Льют новое вино
Не в старые мехи [*Кузьмина-Караваева, 269*].

«Новый порог» дается только тем, кто окажется связующим звеном в цепи духовных исканий человечества. Всю русскую историю мать Мария рассматривает как такую цепь. Она отмечает момент раскола культуры и церкви (XVIII в.). Новое вино и новые мехи — это образ новой близости ко всем и ко всему, которую ощутила мать Мария после принятия монашества: «Нет, не удаленье, / А приближенность новая ко всем» [*Кузьмина-Караваева, 269*]. Монашество в миру — новый путь служения миру, который «горит» (ср. с образом мира в раннем художественном творчестве матери Марии, который представлен в образах красного города в акварелях Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, хранящихся в Русском музее Санкт-Петербурга). Если образ Алеши в «Братьях Карамазовых» — одна из первых в русской литературе попыток создать образ нового инока (нам неизвестно продолжение его судьбы — роман не окончен), то персонажи житий матери Марии — несомненно, развитие обозначенной художественной традиции.

Так тема «новой жизни» становится центральной в житии «Авва Агр и авва Ор», созданном матерью Марией на основе историй «Древнего патерика». Два инока уходят из монастыря в мир, один, Ор, — по велению страстей, другой, Агр, — ради спасения

брата. Автор повествует: «И началась для братьев новая жизнь» [*Мать Мария 2004, 22*]. После такого вступления читатель видит спуск в Ад: пламенеющий любовью Агр спускается на самое дно жизни ради того, кто пьянствует, распутничает, ради одержимого гневом убийцы. Автор жития утверждает, что подвиг Агра тяжелее иноческого подвига в пустыни. Суть его — любовь и жалость, не знающие предела и меры.

Безмерность и беспредельность в исполнении заповеди о любви к человеку — новое качество матери Марии. В ее житийном произведении «Путь к человеческим душам» звучат слова: «никогда нельзя отсекал грешников, но искать, какими средствами можно их исцелить» [*Мать Мария 2004, 52*].

Мать Мария искала в житийной традиции пути к исполнению заповеди о любви к человеку. Главное ее открытие заключается в том, что ключ к этому следует искать в *соборном начале* жизни Церкви, которое можно описать как волю к собранности в единый живой организм; пронизывающее ощущение общности всех со всеми; общую жизнь, состоящую из личных подвигов и взаимной ответственности друг за друга; добровольное разделение участи.

Соборное начало отразилось и в новом осмыслении монашеских обетов послушания и нестяжания. Обет послушания, главный смысл которого, по мнению матери Марии, в предыдущие века был сосредоточен на отречении от собственной воли и отдавании ее в руки старца, должен обрести новое понимание. Сама жизнь «новаторствует», ставит современного инока в ситуацию инициативы и ответственности. Ныне «послушание становится служением» [*Мать Мария 2004, 126*], — писала мать Мария. Оно должно быть не менее суровым и строгим, но ответственность теперь лежит на самом иноке. Он сам должен определять меру «своей добросовестности, жертвенности и самоотдачи», а старцем здесь становится сама Церковь, которая вручает ему ответственное церковное дело [*Мать Мария 2004, 125–126*].

Корень *нового*, необходимого для принятия монашества, лежит, по мнению матери Марии, в обете нестяжания, в его духовном, а не материальном понимании. Духовное нестяжание в положительном смысле она соотносит с заповедью блаженства о нищете духовной. Это обет нищеты не только материальной, но и духовной. «Нищета духа... это есть отказ от своей духовной исключительности... отдача своего духа на служе-

ние делу Божию на земле и это единственный путь для общей жизни в едином соборном организме Церкви» [*Мать Мария 2004, 128*].

Мать Мария открывает соборное начало даже в мученичестве. Герой жития мученика Никифора дерзает принять страдания ради того, чтобы принести венец своему отпавшему от Христа другу. Это соборное мученичество мать Мария воплотила в собственной гибели.

Наконец, соборное начало выразилось в понимании и воплощении матерью Марией Церкви, открытой миру. «Оцерковление жизни» — это «ощущение всего мира как единого храма, украшенного иконами, которым надлежит поклоняться, которые надлежит чтить и любить, потому что эти иконы — подлинные образы Божии, на которых почитает святость Бога Живого» [*Мать Мария 2004, 118*].

В иконописном образе, вышивке «Встреча Марии и Елизаветы», зримо выражена богословская мысль матери Марии. Взгляды Елизаветы и Марии устремлены друг в друга, как бы прозревая в другом Христа. Рука Марии волевым движением поворачивает лицо Елизаветы как бы говоря, смотри на Христа во мне. В пристальном напряженном взгляде друг в друга, едином сливающимся нимбе, одеждах и руках, в «новой приближенности» вне всякого приватного пространства мы видим человекообщение в соборном единстве, в котором нет никаких преград. Эту икону можно назвать образом Церкви, как того собрания двух или трех во имя Христа, где в самом прямом смысле посреди них Христос.

Таким образом, новизна — характерное качество жизни и творчества матери Марии. Главная сфера ее проявления — экклезиология, учение о Церкви. Ключевая новая мысль, проецирующаяся на все виды деятельности и творчества, — соборность (соборно-личный метод) как принцип взаимоотношений, который должен пронизывать все, не только в церковном, но в любом общении и деле христиан друг с другом и с миром. Идея соборности, рожденная в недрах русской религиозной мысли XIX в., укоренена во второй евангельской заповеди — заповеди о любви к человеку, которой, по мнению матери Марии, посвящены лучшие труды русских писателей и мыслителей. Богословская и деятельная новизна матери Марии заключается в попытке *осуществить* идею соборности в аскезе и мистике, в агиографии, в поэтическом и художественном творчестве,

в целостном подходе к социальной работе. В конечном итоге и ее собственная мученическая гибель, в которой, по свидетельству соузницы Жаклин Пейри, мать Мария «сознательно принесла себя в жертву, тем самым помогая каждой из нас принять свой крест» [Гаккель, 164], стала осуществлением и явлением новой соборной жизни.

Источники и литература

1. *Бердяев* = Бердяев Н. А. Памяти монахини Марии (Скобцовой) // Вестник РСХД. 1965. № 78. С. 21–23.
2. *Гаккель* = Гаккель Сергей, прот. Мать Мария. М. : Всецерковное православн. молодежн. движение, 1993. 172 с.
3. *Данилов* = Данилов Ю. Иоанникий. Рукопись. ГАРФ. Редакторский портфель газеты «Дни».
4. *Достоевский* = Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : В 30 т. Т. 14. Л. : Наука, 1976. 512 с.
5. *Кузьмина-Караваева* = Кузьмина-Караваева Е. Ю. Равнина русская : Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 818 с.
6. *Мать Мария 1992* = Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки : В 2 т. Т. 1. Париж : YMCA-Press, 1992. 332 с.
7. *Мать Мария 2004* = Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария). Жатва Духа. СПб. : Искусство-СПб, 2004. 563 с.
8. *Монахиня Мария* = Монахиня Мария. Стихи. Репр. воспр. изд. 1937 г. М. : Изд-во «МИК», 1993. 104 с.
9. *Свидетельства* = Современные свидетельства о матери Марии : Материалы круглого стола «Не хочу я быть воспоминаньем, буду вам в грядущее призыв», март 2016, Париж // Вестник РХД. 2016. № 205. С. 276–295.
10. *Шмаина-Великанова* = Шмаина-Великанова А. И. Внехрамовая литургия матери Марии // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 30–46.

L. V. Kroshkina

Mother Maria's "New Soul" in Her Life and Work

The article summarises the results from research on the concepts "new" and "newness" in the theological, hagiographic, publicistic, poetic, and artistic legacy of Mother Maria (Skobtsova), as well as in her life and church ministry. The core question of the article is about the newness of the righteous martyr's life and work, of her response to the challenges of her time. The author analyses Mother Maria's most significant writings within the context of the continuity of Russian religious thought. The idea of *implementing* sobornost and projecting it over all the spheres of Christians' life is the key to comprehending the newness in Mother Maria's life and work.

KEYWORDS: newness, Church, "Orthodox Action", sobornost, implementation, shared life.